

Встреча с прошлым-вечным

А. Б. Зубов. История религий. Книга первая. Доисторические и внеисторические религии. – М.: Планета детей, 1997.

Всякая религия неразрешимая задача для ума, задача причастия духу, который не вмещается в букву предания. Об этом сказано много раз – от апостола Павла до святого нашего века Силуана: «То, что написано Святым Духом, может быть прочитано только Святым Духом». Тем более трудно прочесть то, что и не написано, а оставило таинственные знаки на камнях и костях. История доисторических религий писалась каждым ученым по-своему. Книга Андрея Зубова – одна из первых в нашей стране серьезных попыток отбросить ложные конструкции, основанные на невысказанных, но подразумеваемых тезисах: 1) никаких зачатков религиозного чувства у животных не было; 2) не было этого чувства и у первых людей; 3) никаких духов на самом деле нет; 4) представления о мире духов сложились в результате ряда ошибок неразвитого ума (или в истерическом состоянии, или вследствие галлюцинаций). А. Зубов убедительно показывает, что известные нам религии внеисторических (бесписьменных) племен не сводятся ни к ошибкам, ни к болезненным состояниям сознания, и нет основания предполагать это в древнем и новом каменном веке.

Невозможно доказать (но невозможно и опровергнуть), что на самых ранних ступенях сапиентизации возникало чувство тайны, которую «изречь невозможно, а уразуметь еще более невозможно». Неандерталец не был так красноречив, как Григорий Богослов (который цитируется в этой книге на стр. 120), он не мог бы говорить о «таинственном прикосновении мирам иным» (Достоевский), но он чувствовал трепет тайны, быть может, больше, чем наши современники. Немного забегаю вперед, скажу, что книга дает ряд примеров превосходства примитивной целостности над изощренностью, грозящей развалом и хаосом. Увы! развитие – это история потерь, а не только приобретений; и духовному богатству пещерных живописцев, а потом создателей циклопических каменных сооружений можно позавидовать. Автор несколько раз подчеркивает огромную духовную энергию создателей, первооткрывателей новых форм религиозной жизни.

Смелость воображения иногда подводит Андрея Зубова и заставляет угадывать в нижнем палеолите черты религии, сложившейся, скорее всего, значительно позже. Но он не слишком злоупотребляет догадками. Пафос книги – скорее в открытых вопросах, в указаниях на повороты предыстории, не объяснимые ни из развития материальной культуры (из которой еще недавно все так прекрасно выводилось), ни из других причин.

Такие необъяснимые повороты были и в период, от которого остались многочисленные письменные свидетельства. Никто не может объяснить, почему философия не родилась раньше (или позже). Почему демократические города Средиземноморья, кастовая Индия и воюющие обломки империи Чжоу одновременно стали создавать философские концепции? Я натолкнулся на этот вопрос, держу его в уме десятки лет и нашел только признание Ясперса, что наука либо молчит о начале «осевого» времени, либо высказывает явно слабые и недостаточные суждения. Книга А. Зубова позволяет увидеть целую цепь подобных внезапных поворотов. Можно их просто оставить необъяснимыми. Можно предположить ряд каких-то волн космических? или идущих из Целостности Вечности? волн, воспринятых людьми в меру своего понимания, большею частью вкривь и вкось – и все же воспринятых. Мы никогда не сможем достоверно узнать, что заставило обитателей Европы, за несколько тысяч лет до Египта, громоздить каменные глыбы. Какие понятия сложились в головах, руководивших постройками? Мы можем только догадываться, почему люди, еще до перехода к земледелию, начали оседлую жизнь; почему живопись верхнего палеолита

сменил геометрический орнамент. Видимо, какие-то озарения были и оказывали влияние на сотни и тысячи лет. А потом их сменяли другие проблески внутреннего света и другие идеи.

Хочется спорить только с одной теорией, которую я считаю издержкою полемики. Критикуя ученых, без оговорок переносивших уродливые обычаи современных племен в палеолит, А. Зубов резко сужает возможность пользоваться данными этнографии. Он убежден, что современные бесписьменные народы сделали шаг назад сравнительно с кроманьонцами. Они перестали чувствовать высшую духовную волю, отделились духам стихий; колдовство вытеснило у них благоговение и веру, и это вырождение привело к людоедству, человеческим жертвоприношениям и общему нравственному упадку, а потому и к отсталости. Я не думаю, что все племена подходят под этот шаблон.

Леви-Строс писал, что веер культур в пространстве не менее широк, чем веер эпох во времени. До наших дней дожила не одна великая цивилизация, христианская, а целых четыре: рядом с Западом – мир ислама, индуистско-буддийский мир Южной Азии и конфуцианско-буддийский Дальний Восток. Еще больше разнообразие племенных культур. Заключать их в общие скобки так же нелегко, как, допустим, Китай, Индию, Саудовскую Аравию и Францию. Среди племенных культур есть грубые и тонкие, есть народности, легко вступающие на путь модернизации – и те, кто отказываются от современности. Есть легко переходящие к монотеизму и решительно не принимающие его. Нет нигде только тех готовых форм религии, которые сложились позже, когда возросла сила зла и в противовес ей сильнее и чище стал порыв к добру. В обществе аборигенов Австралии такой порыв еще не был нужен, оно и так достаточно уравновешенно. Практическая нравственность не отделилась от записанной в книги, дети, пройдя через обряды инициации, следуют своим родителям. Только рядом с Калигулой и Нероном стал необходим Христос: «не к здоровым приходит врач, а к больным». И в Индии, по словам Кришны, Бог воплощается только тогда, когда порок достигает крайних пределов.

Из моих размышлений следует, что среди неандертальцев и кроманьонцев можно угадывать зачатки будущих форм высокой религии, но не более того, и притом неизвестно, какие именно формы складывались: в духе монотеизма, победившего в Римской империи, или в духе верований индийцев и китайцев, для которых образ Бога-Отца менее значим. Неясен и характер инициаторов религиозных сдвигов. Это, может быть, нечто совершенно своеобразное и впоследствии сходящее на нет (см. ниже).

Мне кажется, нет оснований говорить о вырождении аборигенов Австралии. Думаю по-старинке, что они остановились в развитии из-за географической изоляции (несмотря на очень глубокие представления о вечности). Изоляция повсюду приводит к застою. Я думаю также, что и аборигены Америки всего лишь отстали на несколько тысяч лет, и доколумбовы государства Центральной и Южной Америки – стадияльная аналогия некоторых архаических государств Старого Света. Стадияльно они выше кроманьонцев, хотя вряд ли нравственнее.

Здесь необходимо отступление в сторону. Я не вижу прямой связи между этической религией и переходом к цивилизации. Связь есть, но очень не простая. Древние греки потеряли веру в Бога-Отца, но это не помешало им построить Парфенон и создать философию. Другое дело, что империя (эллинистическая и римская) в конце концов обошлась без мировой религии. И в Китае сходные сдвиги произошли после Цинь Шихуанди, воплощенного демона, попиравшего раннеисторическую духовность и нравственность с яростью, достойной Иосифа Сталина. Спор между императором и галилеянином длится по сей день, и то один, то другой берет верх. Очень многие «прогрессивные» перевороты в истории связаны с убыванием Бога (с «затмением Бога», по словам Бубера) и ростом демонических сил; не у отсталых народов, а как раз у самых передовых – в известные периоды их истории, пока угроза полного нравственного развала не

толкнет к покаянию.

Мировые религии приходят не непосредственно вслед племенным, а после имперского смешения племен и расшатывания племенных норм, сами же по себе племенные нормы бывают достаточно суровы. А. Зубов считает причиной упадка и застоя расшатанность брачных правил. Но у австралийцев эти правила (очень сложные и трудноисполнимые) соблюдаются неукоснительно. Можно вспомнить и такой курьезный факт: аборигены островов Фиджи запирают девушек, достигших зрелости, в клетки и поскорее выдают замуж. Это не сделало духовную жизнь богаче и глубже.

Автор подчеркивает распушенность нравов арабских племен, ссылаясь на одного поэта – Имр уль Кайса. Однако джахилийская (доисламская) поэзия богата оттенками. Была гедонистическая линия, и была традиция узритов, воспевавших сердечное чувство, сильное, как смерть (их вспоминает Гейне в стихотворении, положенном на музыку Чайковским: «Полюбив, мы умираем»). К традиции узритов примкнули поэты-суфии, а суфийская поэзия – высший взлет мусульманской мистики. Сходным путем шла мистика библейская, примыкая к «Песне песней», и индийская поэзия бхакти, традиции которой живы по сей день. Можно понять причины морального пафоса: автор восстает против современной сексуальной распушенности и отбрасывает свое негодование в прошлое. Но кроме выбора между гаремом и борделем была еще любовь Тристана и Изольды, не уложившаяся в буквы брачных норм. Упор на букву – противовес хаосу страстей, и в этом смысле – относительное благо, но далеко не абсолютное! Проводником Данте по раю стала Беатриче, а не законная жена – Джемма Донати.

Я возвращаюсь к мысли, что веер культур, соседствующих друг с другом, очень широк, и даже внутри одной культуры можно найти факты, годные для подтверждения разных концепций. Это бросается в глаза в разделе о шаманизме. Раздел видимо разросся под давлением нового интересного материала и нарушает пропорции книги; но хочется поблагодарить автора за этот недостаток стройности. С интересом читаешь, что духи, которых шаманы вызывают, – не злые и не добрые; это духи стихий. Подобно стихийным человеческим характерам – могут рассердиться, отомстить, пошалить, но могут и помочь. Камлание делает их помощниками, лечит больных и радуется всех собравшихся ярким праздничным зрелищем, своего рода театром одного актера.

Это, однако, не все. Несколько поколений, увлекшись камланием, не заметили еще одно важное лицо в духовной жизни «шаманистов». Я, например, впервые прочел в книге Зубова о тудинах. «У канайцев, ульчей, нганасан, а возможно, и среди иных практикующих шаманство народов существует <...> еще одна категория лиц, касающаяся мира духов и действующая в нем. Это – ясновидцы». Тудины никогда не шаманят, у них, по убеждению самих шаманистов, нет духов-помощников аями, но тудины способны предвидеть будущее, указывать источник беды или болезни, следовать умным зрением за шаманом в его духовных странствиях (и исправлять его ошибки. – Г. П.). Тудины лечат больных, по общему убеждению, лучше, чем шаманы, к ним прибегает община как к мировым судьям и посредникам в тяжбах <...> Эти люди пользуются среди соплеменников большим почетом и огромным авторитетом. <...> Примечательно, что, по убеждению нанайцев, тудины получают свои знания и силы исключительно от небесных духов высших сфер. Посредником между тудинами и небесными духами является их этугдэ – личный дух человека, которого знакомые с христианством нанайские старики называют «ангелом-хранителем», сопутствующим человеку от рождения. Когда у человека есть этугдэ и особенно когда он «большой», то есть сильный, ему, этому счастливому обладателю этугдэ, нечего бояться. Ни в тайге, ни в селении злые духи не смеют приближаться к обладателю мощного этугдэ. А если они приблизятся, этугдэ, «как собака», бросится на них и отгонит. О любой опасности этугдэ, совсем как демон Сократа, сообщает на ухо своему обладателю...»

Автор предполагает, что «у некоторых неписьменных народов сохранилась под названием тудинов, исачила, сэвэндана <...> категория лиц, которые когда-то являлись пророками, то есть сообщали племени волю Бога-Творца, (переданную им) через послушных Ему духов. <...> Не случайно тудины, если не контролируют они шаманское камлание, действуют исключительно днем, шаманы же камлают только в темное время суток. Хотя тудины иногда и страдают эпилепсией, но специфической шаманской болезни они не знают, никаких посвящений не проходят, особой одежды не носят, никаких особых предметов не используют. Они как бы свободны от власти духов».

Если искать аналогий тудина в более развитых обществах, то это князь Мышкин: никаких посвящений не проходил, особой одежды не носил, никаких особых предметов не использует, а просто видит настоящее и будущее. В Петербурге князь был затравлен и доведен до безумия за несколько месяцев; а в тайге тудины живут и здравствуют. Их природная благодать никого не ставит в тупик, не требует объяснений. Это достаточно частый факт. Мышкин один на несколько сот тысяч жителей, а тудины чуть ли не в каждом селении, и все их понимают. Рядовые нанайцы обладают даром, высоко ценимым в православной аскезе: они различают духов и не называют тудинов идиотами. Между тем русское общество за сто с лишним лет так и не поняло, что такое князь Мышкин. Для одних – высший религиозный тип, прямое подобие Христу, и гибель Мышкина – отсылка к распятию. Для других – тип вовсе не религиозный: ни разу даже к исповеди не сходил и на окормление чад не рукоположен. С точки зрения Т. Касаткиной, гибель Мышкина – это крах безрелигиозного гуманизма. Мне кажется, что аналогия между Мышкиным и тудинами позволяет реконструировать образ доисторического и внеисторического праведника, носителя благодати до и вне конфессий.

Возникает в уме картина, близкая к «Сну смешного человека» (разумеется, без фантастических преувеличений этого сна), – картина некоторых бесписьменных обществ, не нуждающихся ни в каких позднейших улучшениях; они и без того гармоничны, благодаря большой частоте праведников-ясновидцев, поддерживающих общественную нравственность одним своим присутствием. К сожалению, число праведников в дальнейшем катастрофически убывает; по талмудической легенде, их остается всегда 36, ни одного больше, да и те незаметные, никем не признанные. Сравнение не в пользу письменных цивилизаций с их духовными взлетами, едва-едва уравновешивающими демонические бездны.

Думаю, что именно из тудинов впоследствии, в борьбе с упадком, сложились пророки, святые и бодисатвы, такие же чуждые среди нас, как Мышкин – в обществе Епанчиных и Тоцких. Хотелось бы, чтобы во втором издании книги (если оно будет) этот первоначальный и в то же время новый тип религиозности был полнее обрисован.